

Любовь Винк

Летела мимо птица, обронила перо

12+

Любовь Александровна Винк Летела мимо птица, обронила перо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40233865

SelfPub; 2019

Аннотация

Внутри каждой женщины живет много. Мы можем давать этому имена, а можем не давать. Что-то в нас может жить, как король, а что-то чахнуть и умирать день за днем с голоду. И хорошо бы нам научиться видеть зорко, что из этого нас питает, а что убивает. Чему нам стоит дать больше смерти, чтобы стало больше жизни. Эта сказка как раз об этом – все ответы уже внутри, стоит только подсветить. В оформлении обложки использована собственная фотография автора книги из личного архива.

Сказка о смерти

Если Джинка встречала Спящего Бога, ей было больше не сдвинуться с места. Она останавливала Великую Круговерть, останавливалась как вкопанная у Великого Камня и начинала петь свою тихую песню. Она должна была петь ее все громче и громче, пока камень не пошатнется, не треснет вековая камедь и Спящий Бог не вытянется в полный рост. Пробудив его, Джинка снова могла быть свободной. Как правило после, она уходила быстро, не оглядываясь, с каждым шагом добирая силы, раскручивая заново Колесо Жизни. Так было заведено. История шла так испокон веков и если тебе довелось родиться Джинкой, значит это, что стоит тебе остерегаться одиноко лежащих валунов, ибо иногда не хватает жизни, чтобы песня ее капля за каплей проточила каменный бок.

Наша Джинка будила своего Бога уже много лет, но все было зря. Или не зря – никто не знает как глубоко внутри валуна хранится душа.

Наша Джинка была из рода оседлых, но она ушла от них. И с тех пор только дикие звери, светляки, да ветра витание были ей спутниками. Джинка умела прясть нить жизни, складывая из пряжи полотно, из полотна собирала телесности, а после пела над телом за упокой, пока круговерть не затрещит, не вздохнет день ночью, пока не стукнет веслом

о воду Паромщик забирая новую душу по ту сторону жизни на подселение в женские животы. Скрученная в пряжу, связанная в полотно, сшитая на манер человеческий, душа вздохнет и закричит. А Джинка наша как услышит тот крик – радуется. Радуется и мотает в клубок новую нить, крученую из полевых цветов, волчьей шерсти, перьев и летающей в солнечном свете паутины.

Так было раньше, но не теперь. Теперь Джинка не могла брать, что ей хочется для своей нити, а довольствовалась лишь тем, что принесло ей ветром. Джинка хищно хватала клок шерсти, запускала руки в юркое перекаати-поле и голодная до творения тянула тонкими пальцами нить. Связывала, прятала под платье и пела. Пела Джинка свою песню, Бог спал. Солнце вставало и ложилось, время осыпало Джинку своими приметами, Смерть по ночам мимо Джинки прохаживала, а Бог спал. Только волей небес Джинка была жива, но такова уж судьба Джинки. Спит Бог – Джинка возле него. Таков порядок.

В первые годы Джинка спела ему всю свою юность – камень чуть дрогнул, не более. Спела Джинка и стала стара.

На третий год созвала Джинка песней к нему дикого зверя. Зверь рычал так, что тряслись поджилки у самого храброго из охотников – Бог вздохнул внутри и погрузился толь-

ко глубже в сон.

На пятый год спустила Джинка к нему Величайшего. Величайший крутил сферу жизни над спящим Богом, Величайший менял правила. Но и он не смог помочь Джинке. Спал Бог – Джинка возле него.

На седьмой год призвала она к нему живого Бога, тот осмотрел окаменелости, глянул в сон. «Сладок сон, слишком сладок, плохи дела твои, Джинка».

Села тогда Джинка и заплакала. И только она потеряла надежду, кости ее тут же начали тлеть. Волосы седели и сыпались, пальцы скрючивались, платье становилось лохмотьями. Вот уже и клубок жизни стало не удержать. Выпал из рук Джинки клубок. Легла Джинка на землю. Земля холодная ее принимает. Земля принимает, а Бог спит, Джинка поет для него. Поет свою тихую песню надтреснувшим голосом. Таков порядок.

Умерла тогда наша Джинка, умолкла песня, укрыла палая листва джинкины косточки, укрыл метель ее снегом, а Бог с каждым годом все глубже проседал в землю, пока не скрыло его с головой. И только ветер, что живет всегда и никогда не умирает, помнит эту историю. Он мне ее и на шептал. Он мне, я тебе, и больше никому.

Сказка о жизни.

Годы шли. Времена менялись. А Джинка все лежала в земле мертвее мертвого рядом с просевшим на много метров вглубь мирно спящим богом-валуном.

Но вот прознали про Джинкины кости зоркие птицы и понесли вести на весь свет. А весь свет собрался в одно и стал Таттой. Татта была велика и светла, и не было никого светлее ее. Татта подсвечивала этот мир. И если вы когда-либо видели как красиво ложится свет, или замечали вдруг в себе и в людях невиданное раньше сияние, знайте, это Татта вам подсветила.

Пришла Татта на Джинкино погребение, взяла свое волшебное зеркальце в форме зайца в длинном его прыжке и давай ловить солнечные лучи самые яркие и направлять на то место, где под землей лежали джинкины косточки. Земля задымилась, иссохла, треснула и показались наружу белесые плечики, позвонки, ключицы и скулы, и вот, наконец, свет пал в пустоты джинкиных глазниц. Ярко стало Джинке, ох, ярко, что и мертвой не удержалась она и прикрыла глаза свои от света. Так Джинка и ожила.

Села Джинка голой костью своей на еще теплой земле. Осмотрелась вокруг, дома стоят высоченные, крыш не видно, мимо грохочут коробки железные, мимо люди бегут, перешагивают через Джинку и дальше бегут, никто не смотрит на Джинку. «Да и на что тут смотреть» – думает Джин-

ка горько и вспоминает все – себя, Бога, свою неподвижность, свою обреченность, свою несвободу. И так ей становится жалко себя, что выкатывается из пустой ее глазницы самая скудная и самая соленая на свете слеза. Катится слеза и на том месте, где она прольется, кости плотью нарастают. Плачет Джинка день, плачет два, слезами умывается и становится от того, все краше.

Смотрит на нее Татта и любит. Хороша Джинка.

А мимо птица летела, обронила перо. Схватила перо Джинка ловко, и под платье спрятала, огляделась вокруг опасливо, не видел ли кто, не отнимут ли. Спрятала и сидит, а перо под платьем щекотится, от щекотки в груди нагревается, и давай Джинка от этого хохотать. Сначала чуть слышно, а потом все громче и громче. Да так заразительно, что и Татта не удержалась. Так громко они смеялись, что земля задрожала, поднялась из земли гора выше всех домов вокруг, и тут же осела вновь – это спящий Бог от их хохота на другой бок перевернулся.

И стала от этого Джинка вновь темна. Светит на нее Татта, а та отклоняется, помнит о своей участи.

– Я знаю кто поможет тебе! – говорит Татта – Но путь до него не близок и опасен, готова ли ты?

Смотрит на нее Джинка, глаза прибавила, в глазах ее свет Татты отражается, но Джинку не слепит ее свет.

– Но как же он? – и Джинка опасливо косится на то место, где глубоко под землей веками спит ее Бог.

– А вот мы сейчас и посмотрим, – говорит Татта и хитро улыбается, – бежим?

Джинка верит Татте, но Джинка боится Бога. Джинка боится пути не близкого и опасного. И на все ее сомнения налетает ветер, хватая холодный проныра из-под Джинкиного платья перо и ну с ним покуда глаз хватает. Кинулась было Джинка за пером, а потом встала как вкопанная – страшно Джинке аж жуть, спина мурашками, сердце-барабан отбивает.

– А вышла бы с этим пером неплохая душа, как думаешь, Джинка? – всматривается в витающее перышко Татта, которое с каждой минутой становится все меньше и меньше – легкая и игривая была бы душенька, как думаешь Джинка.

Стоит Джинка смотрит на перо, губы кусает, а потом как кинется за ним во всю прыть. Ловкими прыжками догнала она ветер и в прыжке хищника выхватила разноцветное перышко тонкими, цепкими пальцами. Прижала к себе его, и тут же подметила – чуть дальше на ветке клочок рыжей шерсти висит, и идти бы ей назад, знать бы Джинке свое место. Но шерсть так хороша, лоснится на солнышке шерсть, даст душе теплоту необыкновенную – знает это Джинка. А Татта знай шерстку со своего места подсвечивает.

Шаг делает Джинка, оглядывается, другой.

– Я знаю, кто поможет тебе, Джинка, будь же ты смелой, путь к нему не близкий, но на пути к нему много того из чего собираются самые ценные души.

Да, Джинка знала, что самые сокровенные собираются в самых темных лесах, ведь там полным полно хищного и свирепого, а без этого не удержать в светлых душах сокровищ, сколько не вкладывай туда.

– Разве ж я могу уйти, Татта, я ведь Джинка – спит Бог, Джинка возле него, таков порядок.

– Нет, Джинка, уйти ты не можешь – отвечала ей та – ты можешь только бежать! Бежать во весь опор, изо всех сил и не оглядываться.

Посмотрела на нее Джинка глазами древними как сама жизнь, перышко в руке зажатое ладошку щекочет, и хочется Джинке, и ноги уже сами собой переступают, земля под ногами Джинки уже жжет ей пятки.

– Или можешь вернуться на былое место и петь свою песню тому, кому ее совсем и не слышно, до захода жизни и дальше.

Ох, как Джинке стало тяжело от этих слов, как налились свинцом ноги, обрюзгло тело, сгорбилась спина.

– Нет! – вскричала Джинка – бежим, Татта, веди меня, я верю тебе!

– Нам туда – махнула рукой Татта в направлении леса – я вперед, ты за мной, и не оглядывайся, помни, оглянешься, замедлишь ход и никогда меня уже не догонишь. А как меня потеряешь, снова найдет тебя спящий Бог не этот, так следующий.

Кивнула Джинка на ее слова, взгляд ее стал так строг, чер-

ты лица заострились, волосы завязала она в тугой узел, а подол платье оборвала коротко, чтобы не путал он ее, не медлил ее шага ни в высокой траве, ни в острозубых скалах.

– Бежим!

Рванули они с места, взметнулась пыль. Бежит Татта, ловит солнца свет в свое зеркальце, зеркальце ей дорогу указывает. След в след за ней Джинка поспекает, не отстает. Легко было бежать, джинкины ноги так истосковались по быстрому бегу, что того и смотри вперед ее души забегали порой.

А позади них гремело, а позади них грохотало, земля дрожала, рушились города, весь мир рушился позади каждого их шага.

– Гремит, Джинка, слышишь!

– Гремит, Татта, слышу!

– А что гремит знаешь?

– А что гремит не знаю.

– Твой Бог это проснулся и гонится за тобой.

Прибавила тогда Татта ходу, Джинка не отстает. Бегут через лес, ветви хлещут их по рукам и ногам, паутина слепит глаза. Бегут через поле, острые кустарники впиваются им в ступни, перекасти-поле вяжет им щиколотки. А сзади грохот все громче, все нарастает, догоняет Бог Джинку, чувствует она уже на спине своей его тяжелое дыхание. Вот-вот и схватит ее за плечо. Страшно Джинке, ох страшно, кровь в жилах стынет, ветер в ушах свищет и слышит она слова Татты, что впереди нее так быстра.

– Не оглядывайся, Джинка, и ничего не бойся!

Верит Джинка Татте, смотрит только в затылок ей, ноги ее быстры. А сзади уже комки земли им в спину летят из-под ног Бога, что громадными своими ножищами быстрыми шагами вспарывает тело земли. Добежали до моря, Татта сходу платье свое скинула.

– А теперь плывем, Джинка! – и прыгнула в самую глубину, в самую темень, в самую толщу, Джинка за ней. Татта в темноте светится, Джинка на ее свет поспекает.

Всколыхнулась тут вода, вышло море из берегов, всю землю затопило – это Бог прыгнул в воду, плывет следом, вот уже руками ухватил Джинку за ноги, тянет на себя. Видит Татта, плохо дело, бросилась она к Джинке, стащила с волос ленту, подвязала одним концом Джинку, другой себе оставила и поплыла быстрее быстрого. Тянет Джинку Татта, Джинка чуть жива, вот уже кромка света, вот уже берег видно, вот уже и сухая земля. Вытащила Татта Джинку на сушу и говорит.

– Очнись, Джинка, мы на месте! – открыла Джинка глаза, а они на том же самом месте откуда бежали.

– Но как же? – растерялась Джинка, неужто Татта обманула ее.

– Очнись, Джинка, проснулся твой Бог, ты свободна!

Смотрит на нее Джинка и не верит ушам своим. Ни грохота нет позади, ни погони, и город на месте и земля цела, и сама. Платье на ней тоже и подол на месте, да только тяже-

ло платье, карманы вниз так и тянут. Сунула Джинку руку в карман и вытащила иглы морских ежей, да скрученные в мотки паучьи сети. Сунула в другой, вытащила острые как ножи волчьи клыки и сброшенную кожу смертоносной гадюки. Много было в карманах у Джинки.

– Неужто я это все на бегу собрала?

– Собрала, Джинка, из всех преисподней по горсточке, на много жизней хватит защиты, как думаешь?

– На много жизней хватит, Татта, да еще каких! – восторженно сказала Джинка, перебирая жуткие свои сокровища.

А мимо птица летела, обронила перо. Схватила Джинка перо хищно и тут же впряла в свою нить. Впряла она в нее и мерцающее крылышко бабочки, впряла пряной душицы цвет, впряла первые осенние льдинки на реке.

– А где же твой человек, Татта, который должен был помочь мне? – обернулась вдруг Джинка по сторонам.

Обернулась, а нет никого. Стоит Джинка одна посреди жизни и везде ей дорога. Постояла еще минутку она тогда, залюбовавшись солнечным светом сквозь первую весеннюю зелень и пошла своей тропой, все дальше и дальше, покуда хватит глаз. Покуда мне хватит глаз, покуда вам хватит глаз и больше никому. А теперь, спи.